

Вадим Россик

**КТО РАНО ВСТАЁТ,
ТОТ РАНО УМРЁТ**

Вадим Россик
Кто рано встаёт, тот рано умрёт

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958533
ISBN 978-5-4474-0439-0*

Аннотация

Величественный замок, полный покоя и торжественности. Группа друзей-художников, готовящих в замке выставку своих работ. Но почему же они умирают один за другим?

Содержание

Благодарности	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кто рано встаёт, тот рано умрёт

Вадим Россик

© Вадим Россик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Благодарности

Выражаю признательность всем тем замечательным женщинам, Танюшке, Аннушке, Наде, Зое, Маринке-льдинке, Елене-Sole, Оле, Свете-конфете, Ланке-хулиганке, Виктории благодаря которым я стал тем, чем стал и благодаря которым появилась эта книга. Благодарю их за любовь, нежность, понимание и поддержку.

Благодарю своего отца и брата.

Благодарю Флору и Фридриха Шерер, Татьяну и Йоханнеса Польш, Наталью и Александра Польш, Ойгена и Валентина Польш.

Благодарю своего замечательного преподавателя немецкого языка господина Бернхарда Ланга, весёлые байки которого, мне очень пригодились при написании этой книги.

Отдельное спасибо Иде, Кокосу и Эдику.

Большое спасибо вам всем. Женственным женщинам и мужественным мужчинам. Будьте счастливы.

Автор

«Воображение — это то, что стремится стать реальностью».
Андре Бретон

Глава 1

Начало марта.

Над всей Баварией безоблачное небо. Или на местном диалекте: над Байроном. Суеться в безоблачном небе, птицы свиристы как сумасшедшие. Вот дуры! Хотя, почему обязательно дуры? Просто у них есть серьёзный повод для радости. Начался период токования, да и погода стоит замечательная. Слякотная германская зима миновала, и природа ликует в ожидании скорого лета. Правда, лично у меня особого повода для ликования нет. Я же не птица, а скорее рожденный ползать. Прошло десять месяцев с того страшного утра, когда с помощью инсульта я едва не отправился из Яви в Навь. Оказывается граница между ними весьма проницаема. Эта зыбкая граница называется смерть. Однако я обманул инсульт и после недели пребывания в коме остался жить дальше. Вообще-то, это ещё нужно определить: кто кого обманул? Инсульт забрал у меня здоровье, оптимизм и наполеоновские планы на будущее, взамен оставив вопрос: почему это случилось именно со мной? Нет, вру. Ещё у меня остались два отверстия в черепе, закрытые пластиной. Но всё равно не так уж много.

Светлая птичья музыка отвлекает меня от тёмных мыслей. Напоминаю себе, что я на ежедневной утренней прогулке. Свежий воздух – это главное лекарство из арсенала медицины для бедных. Богатые вынуждены мучиться в спа-салонах, санаториях и реабилитационных центрах. Говорят, этих несчастных там мажут грязью, заваливают горячими камнями, накачивают минеральной водой. Тренируют перед адом?

Неторопливо шагаю дальше. Неторопливо, потому, что не могу передвигаться быстрее сонной улитки. И не из-за мрачного настроения. Просто я болею. После инсульта у меня оказался нарушен вестибулярный аппарат. Пропало взаимопонимание между право и лево, верхом и низом. Мне часто кажется, что это не я приближаюсь к зданию, а оно надвигается на меня. Впрочем, мой домашний врач фрау Половинкин утверждает, что я – уникальный случай чудесного исцеления. Как правило, люди в моей ситуации не выживают в принципе или, в лучшем случае, становятся овощами и фруктами. Оказывается, мне ещё посчастливилось. С грустью размышляя над своим везением, на ходу машинально постукиваю пальцами по каменной стене, вдоль которой гуляю. На моём тайном языке это означает: «Ну вот, поныл, и легче стало».

Несмотря на то, что я родился и вырос в России, мой мозг утёк за рубеж и теперь я живу в маленьком баварском городке. Между собой мы его так и зовём – Наш Городок. Наш Городок уютно устроился среди невысоких холмов, заросших тёмно-зелёным курчавым лесом. Это так называемый Ведьмин лес – часть обширного природного парка. Через Наш Городок лениво течёт Майн, на высоком берегу которого высится величавый квадратный замок. Замок как замок: островерхие крыши, четыре высокие башни по углам. В башнях червяками свернулись узкие винтовые лестницы соединяющие этажи. Над воротами полощется на ветру бело-голубой байронский флаг. У замка, конечно, есть по-немецки длинное, сложное название, но можно и не заморачиваться. Для меня эта надменная глыба просто Замок.

С трёх сторон Замок окружают виноградники, с четвёртой стороны к каменной громаде прилип лабиринт городских улочек. В подвале – гараж для машины управляющего. Как и положено величавым замкам, в нём есть тайный подземный ход. Давно всем известный тайный ход начинается в гараже и ведёт к реке. Этот Замок, являющийся визитной карточкой Нашего Городка, был выстроен в каком-то лохматом году тогдашним баварским королём. С тех пор Замок не раз горел, восстанавливался и перестраивался. После войны его признали шедевром крепостной архитектуры ...надцатого века. Теперь в Замке расположена библиотека и картинная галерея. В западном крыле находятся парадные залы с интерьерами в стиле классицизма конца восемнадцатого века и собрание произведений искусства.

Есть даже несколько полотен Лукаса Кранаха Старшего, Ганса Бальдунга, Маттиаса Грюневальда. В библиотеке хранятся первые печатные книги и рукописи из Майнца. В северном крыле можно помолиться в замковой церкви перед богато украшенным алтарём из мрамора и алебаstra работы Ганса Юнкера, а также, если захочется похулиганить, звякнуть в колокол на колокольне.

В одной из башен живёт со своей семьёй управляющий Замком герр Эрих Ланг, а в другой я – некий герр Вадим Росс – малоизвестный писатель из России. Разумеется, я не имею никакого отношения к баварскому королевскому дому. Не Виттельсбах. Как же я поселился в Замке? Да очень просто. Случилось так, что на три недели я остался дома один. Мою жену Марину – казахстанскую немку, благодаря браку с которой я оказался в Нашем Городке – доктора отправили в санаторий. На «кур» – как принято говорить у моих новых германских родственников. Маринин старший сын Саша только что получил квартиру и сейчас очень занят её обустройством. Ежедневно после работы, он отправляется туда. Клеит обои, красит, устанавливает мебель. Возвращается к маме на Песталоцциштрассе только переночевать. Своего младшенького – Лукаса, Марина на все каникулы запихнула в спортивный лагерь. Лукас играет в футбол в местном спортобществе. Правда без особой охоты, но зато «по улицам не шляется, с плохими компаниями не водится» (цитирую слова Марины). В общем, внезапно оказалось, что обо мне заботиться некому. Супруга уже успела по этому поводу вся испереживаться, но тут, узнав о проблеме, Маринин знакомый Эрих Ланг предложил ей, чтобы на время отсутствия жены я пожил в Замке.

– Соглашайся, родной, – начала за завтраком уговоры Марина. – Я уверена, что там тебе будет хорошо. Жена Эриха Лиля Ланг – моя старинная подруга. Она позаботится о том, чтобы ты с пользой провёл эти три недели. Лилия родом с Украины. Очень образованная женщина. Знает украинский, русский, немецкий, английский, даже японский языки. Она работает гидом – проводит экскурсии по Замку. При картинной галерее действует художественная студия. Познакомишься с нашими художниками. Эрих сказал, что скоро они устраивают выставку своих работ. Посмотришь картины, отвлечёшься. Может быть, и книжку, какую-нибудь, напишешь. Там же атмосфера: живопись, творческие люди, Средневековье. Ну, соглашайся уже!

– И почему я не могу просто жить дома? – кисло возразил я. – Мне не нужны украинские няньки!

– Ну, уж нет, дорогой! О том, чтобы оставить тебя одного, не может быть и речи! – заявила Марина. – Мне достаточно прошлого раза, когда я на месяц уезжала к сестре. Питаешься ты, как попало, таблетки пить вовремя забываешь, регулярно не гуляешь, а вот на приключения тебя тянет. Нет, нет и нет! Пока окончательно не встанешь на ноги, ни одного дня без присмотра!

Правило номер один нашей семейной жизни гласит, что моя жена всегда права. Правило номер два: если жена не права, смотри правило номер один. Пришлось на неё навсегда обидеться (Ты меня совсем не любишь!), но после обеда всё же нехотя согласиться на переезд в Замок. Что-что, а готовить Маринка умеет! Особенно ей удаются фаршированные перцы. Таким вот бесцеремонным образом меня передали из одних ласковых женских рук в другие. Из Марининых в Лилины. Вообще надо признать, что в Германии матриархат рулит. Даже бундесканцлер и министр обороны и те женщины.

Короче говоря, сегодня утром я проснулся на новом месте, в замковой башне, где Эрих выделил мне комнату с зарешёченными окнами на все четыре стороны и дверью в полу. За ночь комната основательно промёрзла – вечером я забыл включить электрообогреватель. Моё жилище оборудовано скромно: аскетичная односпальная кровать, шкаф для одежды, стол, на который я положил свой ноутбук, пустая книжная полка над столом, два деревянных стула. Узник замка Иф в каменной клетке. Если по скрипучей лестнице спуститься этажом

ниже, то оказываешься в коридоре, ведущем к следующей башне. С внутренней стороны Замка в коридор выходят двери бесчисленных покоев. С внешней стороны в толстых стенах через равные промежутки проделаны узкие бойницы для всего, из чего они тогда стреляли друг в друга. На каждом этаже коридор идёт через весь Замок. Всего этажей три. Во внутренний двор можно попасть через огромные двухстворчатые ворота, обычно запертые. Двор замощён булыжником, ставшим от времени гладким и скользким. На высоких каблуках в эти коварные камни лучше не забредать. Сбоку от ворот, сразу за порогом находится входная дверь во внутренние помещения Замка. При входе расположен офис управляющего с кассовым аппаратом и грудой ярких рекламных буклетов для туристов.

Продолжаю обязательную прогулку. Марина будет довольна. Пошатываясь, бреду по террасе вдоль восточного крыла. Разглядываю фасад из тёмного известняка, выступающие карнизы, каменный орнамент в стиле маньеризма. Щурюсь от яркого солнца.

Я знаю, что восточное крыло Замка временно закрыто для посетителей. Городские власти выделили деньги на ремонт, поэтому днём в восточном крыле лениво возятся несколько мужиков-турков. Там посреди зала на первом этаже стоит большой чан с известью, у стен – металлические стремянки, на полу валяются доски, инструменты, ну и всё такое прочее. Обитатели Замка в восточное крыло тоже не ходят. Только Эрих по долгу службы время от времени навещает стройплощадку. Управляющий всегда возвращается оттуда хмурый. Представления о быстрой и качественной работе у баварцев и мужиков-турков совершенно иные. Сказывается разность менталитетов.

Заунывный колокольный звон, тянущийся в воздухе, как расплавленный сыр, напоминает мне, что пора заканчивать утренний моцион. Скоро второй завтрак – ленч. Я вздыхаю. Отныне моя жизнь делится на части с помощью завтраков, ленчей, обедов, и ужинов. Ночные походы к холодильнику не в счёт. Вместе с едой обязательный прием осточертевших таблеток. «Мне очень жаль, но лекарства вам придётся принимать пожизненно», – сказал, спасший мне жизнь, эскулап в клинике Нашего Городка. Интересно: в моём случае пожизненно – это очень долго?

Навстречу мне из-за угла выходит Лиля Ланг. За ней, как утята за уткой, спешат туристы, нагруженные фотоаппаратами, видеокамерами, электронными планшетами. Судя по росту и скуластым лицам – из глубин Азии. Сегодня понедельник и посетителей в Замке не много. Лиля останавливается; ждёт, когда вокруг неё соберётся вся группа. Окружённая кольцом маленьких людей, Лиля по-английски рассказывает историю создания шедевра крепостной архитектуры, указывает на достопримечательности, отвечает на вопросы. Любопытных азиатов интересует буквально всё: с помощью каких спецсредств в старину пытали пленников, появляется ли в Замке безлунными ночами какое-нибудь кошмарное привидение без головы, много ли замуровано в стенах несчастных красавиц, ну и так далее и тому подобное. Я не слушаю. Ухожу.

Поднявшись в свою комнату, опускаю себя на стул перед ноутбуком. За окном всё ещё плавают отзвук колокола. Или это у меня в ушах глюки? Не удивительно. У нас дома на Песталоцциштрассе церковь прямо перед окнами. Старинная, из больших красноватых камней. Её колокола нам вообще пощады не дают – молотят каждые пятнадцать минут. Но я привык. Теперь здесь, в Замке, машинально вслушиваюсь. Видимо подсел на звуковой наркотик.

Открываю ноутбук, включаю, смотрю на оживший экран. Надо бы что-нибудь написать. Недавно я закончил большой криминальный роман, на который возлагаю большие надежды, отправил его в издательство и теперь с замиранием сердца проверяю электронную почту. Жду беспощадный приговор редактора. Нельзя сказать, что я перегружен талантом, но свято верю в то, что мой роман будет издан. Напоминаю себе о звонке Марине на «кур» – нужно доложить обстановку. Хотя я уверен, что она и так уже всё знает. Не зря же Лиля ее старинная подруга. Маринины глаза и уши. Лучше-ка я свяжусь с братом. Передам при-

вет отцу. Бросаю взгляд на время. У Баварии с Уралом разница в четыре часа. Значит, ещё не слишком поздно. Мой младший брат Агафон преподаёт в университете. Всю свою жизнь Агафон прожил с родителями, а после смерти мамы живёт вдвоём с отцом. Женат не был, детей нет, не состоял, не привлекался, в порочащих связях не замечен. Единственное тёмное пятно в его биографии – это наличие родственника за границей, то есть меня. Но тут уж ничего не поделаешь – родственников не выбирают.

Вызываю Агафона. Он моментально откликается на звонок. На экране ноутбука появляется знакомая комната, небритый брат в майке-алкашке, неприменный бардак за его спиной.

– Привет!

– Привет!

– Чем занят? Всё с папой горе мыкаешь?

Агафон пожимает худыми плечами.

– А куда ж его девать? На диване лежит в своей комнате.

Я с надеждой интересуюсь:

– Может, мою книжку читает?

Зря надеюсь. Агафон пренебрежительно кривится.

– Папа занят более важным делом. Сейчас ему не до таких писателей прафсё, как ты. Он смотрит в потолок.

Я разочарованно ворчу:

– Тогда ладно, не мешай папе смотреть. Вдруг он на потолке что-то увидит и спасёт человечество?

Агафон важничает:

– Спасать человечество – моя миссия. Мне поручено срочно написать диссертацию с рецептом выхода мировой экономики из кризиса. Иначе скоро всё полетит к чёрту! Вот чем сейчас занимаются серьёзные люди, а ты всё дешёвые детективчики кропаешь.

Как обычно плюнув мне в душу, Агафон отключается. После разговора про папу, смотрящего в потолок, сам некоторое время пытаюсь прочесть там что-нибудь, написанное невидимыми буквами, но напрасно. Я прихожу к выводу, что всё-таки брат смотрит на жизнь мрачновато. Так нельзя. Есть же и светлые стороны в нашем убогом существовании. Например, второй завтрак. Про ленч я вспоминаю не просто так. Снизу Лиля зовёт меня спуститься в столовую. Выключаю ноутбук, поднимаю себя со стула, спускаюсь. Иду по коридору к столовой. По дороге размышляю о том, что великий писатель непременно должен быть голодным и умереть в нищете под забором. Горький вывод: в сытом Байроне стать великим писателем мне не дадут.

В сводчатой столовой перед едва тлеющим камином сидит в полном составе немногочисленное семейство Лангов: управляющий Замком Эрих, экскурсовод Лиля и их дочка Алинка. Алинке недавно исполнилось два с половиной годика. Очаровательный ребёнок. На столе, длинной в километр, стоят тарелки с оливками, овечьим сыром, хлебом и бутылка красного вина. Ни сливочного масла, ни ветчины, ни сосисок. Просто какой-то завтрак Геракла, а не баварский ленч! Утром хоть кофе и куриные яйца всмятку были!

– Халло!

– Халло!

Пожелав присутствующим приятного аппетита, я сажусь рядом с Эрихом. Скептически оглядываю завтрак Геракла. Настоящему баварцу здесь делать нечего.

– А варёной колбасы у вас нет? – спрашиваю у Лили. Наверное, зря спрашиваю. Лиля таращится на меня с таким ужасом, как будто я попросил варёного младенца.

– Что вы, Вадим! Меня Марина специально предупредила, что вам нельзя колбасу. Это же холестерин!

Столкнуться за одним столом с поклонницей здорового питания – это самое худшее, что может случиться со мной в Замке. И спорить бесполезно. Мне уже знаком иррациональный страх жителей Германии перед холестерином. Поэтому я замолкаю и с несчастным видом жую безвкусный овечий сыр. С завистью смотрю на Алинкину мордашку, перемазанную клубничным йогуртом. Я тоже йогурт люблю. Эрих пытается завязать со мной разговор, но я не в настроении. Управляющий понимает это, поэтому покорно умолкает. Эриху уже под шестьдесят, но он крепок, как деревенский кузнец. Невысокий, коренастый, жилистый, с седым ёжиком на большой голове. Эрих немного говорит по-русски и украински. Это, несомненно, облагораживающее влияние жены. Беда лишь в том, что он путает языки между собой. У Эриха есть хобби – винограfoлия, а проще говоря, коллекционирование винных этикеток.

Когда на тарелке сыра больше нет, Лиля в знак поощрения наливает мне бокал вина.

– Попробуйте, Вадим. Десятилетнее вино из наших виноградников. В магазинах такое не купите.

Делаю маленький глоток. М-м-м... Совсем не плохо. Чувствуется привкус земляники, вино терпкое, но я такое и люблю.

– Сегодня вечером с нами будет ужинать доктор Бахман, – вдруг объявляет Эрих. – Он и его жена приедут в Замок для организации выставки картин.

– Доктор Бахман руководит художественной студией Нашего Городка, – добавляет Лиля, вытирая бумажной салфеткой Алинкино улыбающееся личико. – Она занимает небольшой зал в южном крыле. Вы, наверное, видели афишу возле наших ворот о выставке живописи? Открытие в субботу.

Киваю. Афишу я видел.

После ленча Эрих предлагает мне посмотреть коллекцию винных этикеток. Не желая его обижать, я соглашаюсь. Мы отправляемся в башню, где находится квартира управляющего. Лиля с Алиной остаются в столовой. Постоянная женская трудовинность – наводить порядок после мужиков.

Цепляясь за перила, с трудом карабкаюсь следом за Эрихом наверх. Как же здесь всё неудобно устроено! И вечная сырость от камня. Проклятое Средневековье! Управляющий проводит меня в свой кабинет и показывает на планшеты, висящие на стенах. В планшетах под стеклом хранится его сокровище – бесчисленные бутылочные этикетки со всего мира: немецкие, итальянские, французские, испанские, португальские, австрийские, венгерские, болгарские, югославские, североамериканские, австралийские... Я обращаю внимание на «Рижский чёрный бальзам».

– О, у вас и советские этикетки есть? – радостно спрашиваю Эриха, чтобы доставить ему удовольствие. Пусть думает, что по миру бродят и другие сумасшедшие вроде него. Управляющий с энтузиазмом отвечает, пересыпая немецкую речь русскими и украинскими словами:

– Разумеется, мой друг. Разрешите мне вас так называть, Вадим? Вот, например, этикетка советской водки, крепостью двадцать градусов. В честь одного из советских лидеров народ назвал ее «рыковкой».

Эрих с усилием выговаривает трудное русское слово. Потом победоносно смотрит на меня, жестом приглашает присесть на диван и продолжает лекцию:

– Надо признать, что винограfoлия – неисчерпаемый кладёз удивительных знаний. Библия приписывает честь открытия вина Ною. Вы помните, мой друг? «Обрабатывая пашню, Ной обнаружил виноградные ягоды – вытиснув вино, пил этот напиток».

Я киваю с оскорбленным видом. «Обижаете, герр управляющий? Ну, разумеется, помню!»

– Историки считают, что первые названия вин появились ещё в Древней Греции, – прошепчет меня Эрих. Слушая его, я поудобнее устраиваюсь на мягком диване. Видно, что управляющий сел на своего любимого конька, а на любимом коньке, как правило, скачут долго. – Древние эллины получили виноградную лозу от финикийских купцов в десятом веке до нашей эры. Греки поделились секретом изготовления «божественного напитка» с римлянами. Римляне смогли поднять виноделие на невероятную высоту. Им были известны около ста восьмидесяти пяти сортов вина! Представляете, мой друг? До нашего времени дошли произведения древнеримских поэтов, воспевающие итальянские вина: альбанское, цетинское, фалернское, массикское, фаустинское, цекубское, соррентийское...

– А как с этим делом обстояло у славян? – спрашиваю я Эриха о том, что мне ближе.

– Восточные славяне впервые попробовали вино во время своих походов на Византию. Водку изобрели в Арабском халифате в восьмом веке, а пиво – в Скандинавии.

– А где появились первые винные этикетки?

Эрих обводит влюбленными глазами свою коллекцию.

– Бумажные этикетки изобрели достаточно поздно, не ранее семнадцатого-восемнадцатого веков. Сначала вместо бумажных этикеток использовали клейма на пробках амфор, пифосов, кувшинов, бутылок. На клеймах стояли знаки или инициалы виноделов. Когда в Китае в сто седьмом году нашей эры изобрели бумагу, новый материал быстро распространился от Китая до Среднего и Ближнего Востока. В тринадцатом веке крестоносцы завезли бумагу из Палестины в Европу. Европейские виноделы придумали сведения о своем товаре указывать на бумаге и приклеивать рукописные этикетки к сосудам. Вот так и появились винные этикетки, мой друг.

Эрих рассказывает интересно. Я даже задремал. В полусонном состоянии благодарю за увлекательное путешествие в мир винных этикеток, прощаюсь с гостеприимным хозяином «Чюсс! – Чюсс!» и шагаю восвояси. Добравшись до своей башни, вспоминаю, что до сих пор не позвонил Марине. Мой «косяк»! Сонливость сразу проходит. Усаживаю себя за стол, беру в руки мобильник. Сейчас исправлюсь.

Набирая номер, ловлю себя на мысли, что, хотя мы расстались всего сутки назад, я уже соскучился по жене. Марина вошла в мою жизнь недавно, но, надеюсь, навсегда. Я собираюсь вместе с ней состариться. Признаюсь, что бывшая супруга Виолетта ещё занимает какое-то место у меня в голове, но в сердце её, вроде бы, больше нет. Для неё моё сердце закрыто навсегда и ключ от него выброшен. Впрочем, Виолетте от этого ни холодно, ни жарко. Сейчас она уверенно строит новую семью с новым мужем. В соседней федеральной земле, далеко от Нашего Городка. Далеко по германскому счету. Километров за сто. Барабаню пальцами по столу. На моём тайном языке это означает: «Не психуй, чудик! Это жизнь».

Марина рада моему звонку, хотя Лиля ей уже доложила, что я утром гулял и ел хорошо.

– Как ты? – спрашиваю жену.

– Всё нормально. Что может быть в санатории? Лечебные процедуры, прогулки, приём пищи, – смеётся Марина.

– Почти, как у меня, – замечаю я. – Только вместо процедур – уроки виноградологии.

– Это что ещё за хрень? – беспокоится Марина. – Тебе хоть нравится в замке? Нашёл общий язык с Лилей, Эрихом?

– За меня не переживай, – успокаиваю жену. – Замок – место вполне приятное для обитания.

Вру, конечно. На самом-то деле, моя жизнь на ближайшие три недели – сплошные лестницы и завтраки Геракла, но Марина в этом не виновата. Она же хотела как лучше.

Хочу закончить контрольный звонок, однако не забывающая ничего на свете жена с тревогой в голосе задаёт вопрос:

– Ты уже выпил свои таблетки после ленча?

Я вздрагиваю. Как говорят в таких случаях немцы: «Шайсэ»¹! Совсем об этом забыл! Но я же не компьютер, а просто человек, однажды потерявшийся между Явью и Навью. Приходится снова соврать, чтобы Марина не нервничала.

¹ Scheiße – дерьмо (нем.)

Глава 2

Время до обеда я провел с несомненной пользой. Сначала с помощью электрообогревателя хорошенько прогрел остывшую ночью комнату и с усердием принялся добавлять свои пять копеек в сокровищницу мировой литературы. Проще говоря – писать новый роман. Я возлагаю и на него большие надежды. Ведь мои романы – это мои следы на земле. Материальный отпечаток краткого присутствия в Яви. Кто-то оставляет после себя сына, кто-то дом, кто-то дерево, кто-то всё это вместе, а я оставляю книги. Полагаю, что это тоже не плохо, хотя у меня есть и сын. В каждом романе живёт частичка моей души. Вот когда раздам всего себя без остатка, тогда можно будет навсегда уйти в Навь. А пока, перефразируя слова поэта:

Писать всегда,
писать везде,
до дней последних донца,
писать —
и никаких гвоздей!
Вот, лозунг мой —
не солнца!

За окнами стоит тишина, нарушаемая время от времени протяжным звоном колокола замковой церкви. По этому звону можно сверять часы – ведь колоколом управляет электронный таймер. Другие звуки не в состоянии проникнуть за толщу древних каменных стен. Писателю крайне важна возможность побыть наедине с самим собой. Чтение, прогулки, общение с людьми, участие в повседневной жизни дают мне те кирпичики, из которых я потом строю здание своего романа. Но для самого процесса строительства необходимы покой и одиночество. Для сбора строительного материала я использую органы чувств, а для написания книги – возможности мозга.

На мгновение отрываюсь от работы, чтобы поискать на столе непременно чашку кофе. Обычно я ставлю её справа от себя, но на этот раз чашки там нет. Даже пустой. И слева нет. Отсутствие кофе насильно возвращает меня из романа в комнату. С удивлением смотрю на стол. А, ну да! Откуда же здесь взяться кофе? Я ведь не дома.

Отругав себя за неорганизованность, обещаю капризничающему как маленький организму после обеда запастись для него горячим кофе. Вместительный термос из нержавеющей стали у меня есть. Можно бы и не ждать обеда – сходить в столовую прямо сейчас, но лень. Как представляю себе эти крутые лестницы... Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на лестницы. О'кей, организм, будь паинькой. Потерпи немножко.

Смотрю в монитор на текст романа. Вижу отражение своего лица на стекле. Угрожающе хмурю брови. Никакой тебе пощады, кофеман! Пиши-пиши! Иначе мир может недосчитаться бессмертного литературного шедевра. Тяжело вздыхаю. Без кофе мне писать шедевры сложно.

Впрочем, кофе – это ещё ничего. Агата Кристи, например, сочиняла свои детективы, лежа в ванне, а Джон Чивер – обладатель Пулитцеровской премии – снимал всю одежду и писал, сидя в нижнем белье. Эксцентричный Оскар Уайльд прогуливался по улице с лобстером на поводке. Я лобстеров не люблю – они похожи на гигантских тараканов, однако надеюсь, что тоже вскоре прорвусь в великие писатели, и мои романы не будут выходить в рулончиках и без текста.

Эти честолюбивые мечты прерывает звонок мобильного. Звонит Саша – сын Марины от первого брака. Саша трудится механиком на небольшом заводике. Во время работы ему запрещено пользоваться телефоном, но сейчас у него перекур.

– Халло!

– Халло! Привет, Вадим!

– Что нового в экономике?

Саша смеётся. Он вообще смешливый парень.

– У нас в экономике полный порядок. Вчера пришло письмо из АРГ. Фрау Адамс приглашает тебя завтра к восьми ноль-ноль.

Не очень приятное известие. Я до сих пор не знаю, что скрывается за таинственной аббревиатурой – АРГ. Это строгое учреждение занимает несколько зданий в центре Нашего Городка. Именно АРГ озабочено моим трудоустройством. Каждые полгода я подписываю с фрау Адамс соглашение, по которому обязан еженедельно отправлять не менее шести своих резюме в адрес потенциальных работодателей. Адреса я должен искать где угодно сам и, кроме того, не могу отказаться от вакансий предлагаемых мне АРГ. За это фрау Адамс выплачивает мне пособие на жизнь, платит за квартиру и страховые взносы. Так это здесь устроено. Социальное государство, ясен пончик!

– Понял, – говорю я. – А как мне туда добраться? Попросить Катю, чтобы отвезла меня?

Катя – это сестра Марины, женщина с котом. У её кота нет имени. Этот деспот, тиран, угнетатель и просто постоянно голодная скотинка откликается только на призыв «Иди, жри!». Бедная Катя тратит большую часть зарплаты на «Иди, жри!», проходят годы, но он остается всё таким же мелким, худым, сереньким и вечно больным существом. Видимо не в кота корм.

Саша с сомнением хмыкает.

– Вряд ли Катя сможет помочь. У неё же кот. Мама на «куре». Я работаю. Попроси Федю.

Федя – ещё один родственник Марины. Это её младший брат. Вообще-то он Фридрих, но для своих – Федя. Жена – Дженнифер, дочь – Ванесса, а ещё у Феди есть маленькая дача, на которой мы регулярно собираемся, чтобы погрилить мясо.

– О'кей, попрошу Федю, – не спорю я.

– Тогда чюсс!

– Чюсс!

Саша возвращается к своим делам, а я звоню Феде. Отрываю того от работы и договариваюсь с ним о поездке завтра утром в АРГ. Федя совсем не против. Он человек общительный и во вторник начинает работу во второй половине дня.

– Я сам собирался тебе позвонить, но раз уж ты меня опередил, тогда слушай, – торопливо говорит Федя. – В воскресенье моей Ванесске стукнет десять лет. Днюха! Сам понимаешь – такую дату нельзя не отметить. Все наши собираются на даче. Присоединяйся. Жаль, конечно, что Марины не будет. Пожарим шашлыки, посидим, выпьем по пять капель. Ты как?

– О чём речь? – соглашаюсь. – Конечно, я буду.

– Отлично! Саша тебя привезёт и увезёт. Я сам ему вечером позвоню.

– Договорились.

– Лады. Больше я не могу разговаривать. Шефиня рядом ходит. Чюсс!

«Шефиня!» Я же говорю: «Матриархат рулит!»

– Чюсс!

Кладу замолчавший мобильник в карман. Ну вот. Ещё одно дело улажено. Поставив локти на стол и сцепив пальцы, смотрю на ноутбук. Ноутбук смотрит на меня. Ладно-ладно, хитрец! Не подмигивай мне лампочками. Я и так знаю, что меня ожидает роман. Придвигаю ноутбук к себе и снова поднимаюсь над суетой. До обеда.

Обед проходит, как и ожидалось, под сводами мрачной замковой столовой. Правда на этот раз Лиля побаловала меня украинским борщом со сметаной. Несмотря на присутствие разожжённого камина в столовой сыро и холодно. Брр! Все-таки ещё только март. Налегая на горячий ароматный борщ. Эрих от меня не отстаёт. Лиля носится с посудой из кухни в столовую и обратно. Ей и без камина жарко. Алинка не боится холода. Щедро нам улыбаясь, совершенно голенькая девочка прыгает на цыпочках вокруг стола. Она уже наелась манной каши и радуется собой мир.

– Алинка, надень платишко! – ворчит Лиля на дочь. Всё напрасно. Алинка посылает в ответ сияющий лучик своей улыбки, которым лишает силы мамкину строгость. Лиля не выдерживает и тоже улыбается.

– Вы не обращайте внимания на то, что Алинка всё время бегает на цыпочках нагишом, – говорит мне Эрих. – Мы с Лилей даже водили её к врачу, но врач нас успокоил. Он сказал, что с возрастом это у неё пройдет.

Я молча киваю. Мне сейчас не до детских отклонений. Борщ уж очень вкусный. Настоящий украинский красный борщ. Эрих берёт на себя роль виночерпия и наполняет бокалы замковым вином, которое не купить в магазинах. Поднимаем бокалы.

– Прозт! – дружно произносим мы с Эрихом традиционный немецкий тост. Выпиваем вино. На душе у меня теплеет. Или это в желудке? Да какая разница! Роскошный Лилин обед полностью реабилитирует завтрак Геракла.

– Сегодня к нам на ужин приедет доктор Бахман с женой, – напоминает Эрих, – а завтра в Замке соберётся городская студия живописи. Все тринадцать человек. Они устраивают здесь большую выставку своих работ. Это важное событие в жизни Нашего Городка. На открытие приглашено много влиятельных гостей. Будет даже бургомистр. На всё время проведения выставки художники поселятся в Замке. Ради такого мероприятия они взяли отпуска и оплатили свое проживание здесь. Мы уже приготовили для всех участников выставки комнаты в южном крыле. Художники – публика, конечно, беспокойная, но я надеюсь, Вадим, что вам они не будут мешать.

– Сколько времени продлится выставка?

Эрих снова наполняет бокалы. Поднимаем. «Прозт!». Выпиваем.

– Сама подготовка к выставке займёт четыре дня. План примерно таков. Завтра во вторник вся студия собирается здесь и до субботы занимается организацией мероприятия, размещением своих работ, ну и так далее. В субботу – открытие выставки. Торжественные речи, пресса, местное телевидение, бургомистр. Через неделю в воскресенье – закрытие выставки. В понедельник – подведение итогов, уборка помещений и разъезд участников по домам.

Я молча киваю. А что мне остаётся делать? Выбора-то нет. Итак, меня ждут две недели жизни с безумной оравой творческих личностей. Что такое творческие личности я знаю по себе. Ничего приятного. Самовлюбленные болваны с гипертрофированным чувством собственного величия. Талантищи, таланты и талантики! Легко постукиваю кончиками пальцев по столешнице. На моём тайном языке это означает: «Не было слёз, да чёрт нанёс!»

После обеда с национальным колоритом прошу Лилю налить мне в термос крепкого кофе. Объясняю хозяйке, что это одна из немудреных писательских радостей. Кроме того, я же не могу пообещать что-то своему организму, а потом просто от него удрать. Догонит и отомстит. Лиля берёт в одну руку мой термос, в другую – недовольно запищавшую Алинку и скрывается в недрах кухни.

Тем временем слегка окосевший Эрих наливает по третьему бокалу; затем переходит к своей любимой теме: коллекционированию винных этикеток. Я охотно выпиваю с ним вино (Прозт!), но слушаю управляющего вполуха. Иначе мне грозит серьёзная опасность. Если я выдержу Эриха эти три недели, то, пожалуй, сам начну собирать винные этикетки.

Управляющий плетёт мне об этикетке редкого монастырского вина под кощунственным, на мой взгляд, названием «Молоко Богородицы». Это вино производится только в Вормсе из винограда, на который падает тень от монастырских стен и башен.

– То «Молоко Богородицы», которое вы, мой друг, можете увидеть в любом магазине – откровенная и наглая подделка! – негодует Эрих, хватая бутылку. Чтобы смягчить горечь осознания того, что всё в этом обманчивом мире совсем не то, чем оно кажется, выпиваем ещё по бокалу нашего замкового вина. По крайней мере, в нём-то можно быть уверенным!

Подчиняясь замысловатому полёту нетрезвой мысли, управляющий внезапно меняет тему разговора. Оказывается Эрих родом из Саара. Он вырос в маленькой деревушке на границе с Францией. Отец Эриха – старый Ланг – провёл все шесть лет Второй мировой войны на фронте. С сорок первого – на Восточном. Был семь раз ранен, но выжил и вернулся к семье. Настоящий сверхчеловек. После войны старый Ланг стал заместителем бургомистра и вырастил ещё шестерых сверхчеловечков. Пятерых мальчиков и одну девочку. Сам Эрих – предпоследний ребёнок. Его младшая сестра умерла в прошлом году от рака. На похороны собралась вся многочисленная родня. Даже брат из Канады прилетел.

Вспомнив о бедной сестрёнке, Эрих вытирает рукой наворачнувшуюся слезу, наливает нам ещё и «Прозт!» – мы осушаем по четвёртому бокалу.

– Сейчас таких людей нет, – бормочет заплетающимся языком Эрих. – Немцы стали толстыми, ленивыми, без автомобиля шагу не сделают, а я помню, как отец после войны добывал уголь в шахте за сорок километров от нашей деревни. В пятидесятые годы транспорта не было, и он каждую пятницу, закончив последнюю смену, пешком возвращался домой, проводил с нами выходные, а в воскресенье после обеда опять уходил на всю неделю. Вы только представьте себе, Вадим! Пешком за сорок километров!

Смотрю на пьяного Эриха. Как непредсказуема судьба! Я воспитан в ненависти к врагам, когда-то пришедшим на нашу землю с огнем и мечом, а теперь вокруг меня потомки тех, кто убивал моих предков. Угощают вином с привкусом земляники. Я слежу мутными глазами, как управляющий в очередной раз наполняет бокалы и спрашиваю:

– Отец рассказывал вам о войне?

Эрих отрицательно мотает головой.

– Никогда. Ни единого слова.

– Как так? – удивляюсь я, принимая из рук Эриха бокал с вином.

– Вот так, – лаконично отвечает мне управляющий. Он поднимает свой бокал, с опасным звоном чокается с моим, едва не расплескав вино, и добавляет:

– Впрочем, мой дядя, младший брат отца, рассказывал, что, когда отец в сорок втором году долечивался дома после ранения, дядя – тогда ещё совсем мальчишка – спросил его, сможет ли Германия победить?

– И что он ответил?

Эрих смотрит мне прямо в глаза и неожиданно чётко произносит:

– Знаете, мой друг, отец был глубоко верующим человеком. В тот раз он сказал только одно: «Если мы победим – значит, бога нет».

Вот такие кренделя. Больше я ничего не говорю. Из кухни появляется Лиля в сопровождении голой Алинки, подаёт мне полный термос кофе и вредным голосом велит нам заканчивать свои посиделки. А мы и не спорим. Всё равно вина больше нет, зато чувствуется настоящая потребность полежать.

Сердечно обнявшись на прощание, мы с Эрихом покидаем столовую. Несмотря на то, что меня болтает, как щепку в бурном море, я упорно двигаюсь верной дорогой по коридору и через какое-то время достигаю своей комнаты. Сначала аккуратно ставлю термос на стол, потом неаккуратно роняю себя на кровать, куколкой заворачиваюсь в одеяло. Ещё

успеваю подумать: «С борщом надо бы быть поосторожней. Какой-то он пьяный». Внезапно мне в сознание вламывается кто-то весь в черном. Это сон.

Несмотря на расслабляющее действие борща (ну или, допуская, вина), через три часа я снова в игре. Еле-еле разлепив глаза, поскорее наливаю в крышку термоса крепкий кофе без сахара и возвращаю себя в скучную действительность. Горячий напиток струится по довольному организму, изгоняя похмелье. Так-то лучше! Уже осмысленным взглядом смотрю на время – семь часов вечера. Значит скоро ужин с доктором Бахманом. Надеваю скромный костюм – униформу разочарованных в жизни писателей. В качестве намёка на то, что для меня ещё не всё потеряно, цепляю на шею галстук оптимистичного персикового цвета. Этот галстук мне подарила Марина на прошлый день рождения. Он отлично смотрится в сочетании с голубой рубашкой. Оглядываю себя в зеркале. Что там из меня получилось? Получился загадочный мужчина с грустными глазами. Шутю.

После непродолжительного ожидания спускаюсь в столовую. Снаружи сгущаются сумерки, поэтому в камине трещит огонь, а на столе горят свечи в массивных подсвечниках. Лиля бежит с посудой между кухней и столовой. Накрывает к ужину. Алинка в нарядном платье путается у неё под ногами. Как может, участвует в материнских хлопотах. Инстинктивно проявляет женскую солидарность. Эрих, тоже в костюме, представляет меня высокому, костлявому, безукоризненно одетому джентльмену с трубкой в зубах.

– Познакомься, Никлас. Это герр Росс. Герр Росс – писатель и сейчас гостит в Замке. Герр Росс. Это доктор Бахман.

Я сердечно улыбаюсь и жму докторскую руку – будто стиснул пучок мокрых веток.

– Мне очень приятно, – сдержанно произносит Бахман, проводя голосом границу в наших отношениях. Вроде того, что мы тут слуги истинного искусства, а ты не пошёл бы к чёрту, добрый человек.

– Взаимно, герр Бахман, взаимно, – бормочу я, думая о том, что посылать меня к чёрту поздно. Кто не знает: я уже оттуда.

Эрих продолжает исполнять роль хозяина. Он кивает мне в сторону стола. Только теперь я замечаю, что над столешницей едва возвышается макушка крохотной женщины с узкими глазками.

– А это фрау Бахман. Понтип – из Таиланда. Прошу любить и жаловать!

Фрау Бахман приветливо улыбается и машет мне рукой.

«Халло! – Халло!»

В отличие от своего замороженного мужа фрау Бахман весьма непосредственная особа. Такой вывод я делаю, заметив, что она сбросила легкие сандали и устроилась на стуле, скрестив ноги по-азиатски. Что ж. У немцев есть пословица: «Andere Länder – andere Sitten» или в вольном переводе на русский: «Каждый сходит с ума по-своему».

В этот момент Лиля заканчивает беготню, и ужин переходит в новую фазу. Мы рассаживаемся за столом вперемежку – мальчик-девочка, мальчик-девочка. На этот раз меню радует даже меня. На первое – мадрилен со сметаной, на второе – утка с грибами и рисом. Есть ещё печёные булочки с куриными кнелями, а на десерт – лимонный пудинг с соусом из жжёного сахара. Если так пойдет и дальше – три недели я как-нибудь продержусь.

Эрих потчует собравшихся замковым вином. Как и положено серьёзному руководителю, доктор Бахман не пьёт ни капли спиртного. Зато крошечная, как бюджет Гаити, Понтип с удовольствием пробует всё и безостановочно нахваливает угощение, вгоняя Лилу в краску смущения. Не отказывается весёлая тайка и от вина. С мелодичным звоном вчетвером сдвигаем хрустальные бокалы: Эрих, Лиля, Понтип и я. Бахман с осуждением смотрит на нашу оргию, глодая утиную косточку. Ну и чёрт с ним! Я не собираюсь брать Бахмана на шпагу. Каждый сам творец своего несчастья. Просто в отместку за высокомерие не буду называть его доктором.

– Надеюсь, Эрих у тебя всё готово к приёму моих коллег? – задаёт Бахман вопрос управляющему, когда мы переходим к кофе. Лиля ставит на стол вазы с конфетами и фруктами. Алинка радостно пищит и тянет ручонки к сладостям.

– Разумеется, Никлас, – отвечает Эрих. – Для каждого участника выставки приготовлена комната в южном крыле. Для семи мужчин на третьем этаже, для четырёх женщин – на втором. Как раз над вашей студией. А ты с Понтип будешь жить рядом с башней – жилищем герра Росса. Мы отвели вам большую комнату – когда-то владельцу Замка она служила спальней.

Бахман милостиво кивает.

– А где будет размещена собственно выставка? – интересуюсь я.

– На первом этаже западного крыла, – сообщает мне Лиля. – Как раз под замковой картинной галереей.

– Мы с Никласом решили, что работы наших художников будут смотреться очень гармонично в старинных интерьерах, – говорит Эрих, опять подливая всем вина.

– Восточное крыло так и не закончили? – снова спрашивает Бахман.

Управляющий отрицательно крутит большой головой.

– Ещё не совсем. Я на время проведения выставки закрыл доступ в восточное крыло и отпустил рабочих. Думаю, так будет лучше. Не хочу, чтобы они попали на глаза бургомистру.

– Что же, это разумно, – замечает Бахман.

– Мы можем завтра с утра осмотреть помещения для выставки, – предлагает Эрих. Бахман опять кивает, берёт свою трубку и принимается набивать её табаком. Эрих закуривает сигарету. Понтип тоже достаёт сигареты. Я не курю, поэтому никотин заменяю кофеином – наливаю себе чашку кофе. Лиля уносит недовольно захныкавшую Алинку спать. Впрочем, Лиля быстро возвращается, присоединяется к нам и прикуривает сигарету о ближайшую свечку. За окнами уже совсем темно. Поднявшийся к вечеру ветер воет в трубах. Каменная громада Замка начинает гудеть, как огромный орган. Несмотря на эти тревожные звуки, в столовой уютно. Мы молчим, наслаждаясь исходящим из камина теплом. Косматые облака табачного дыма плавают в мерцающем свете сгоревших до половины свечей.

Я с тревогой замечаю, что Эрих начинает беспокойно ёрзать на своём месте. Явно назревает новая лекция про винографолию, но Лиля спасает положение. Он тихо просит Бахмана:

– Никлас, расскажите нам о вашей выставке.

Тот пожимает плечами.

– Что вы хотите знать, моя дорогая?

– Над чем сейчас работают ваши художники? Какие работы они хотят выставить? Мне всё интересно.

– Не забывай, Никлас, что Лиля у нас гид, – улыбается Эрих. – Именно она будет проводить экскурсии по вашей выставке.

– Для посетителей я специально приготовил целую стопку рекламных проспектов с цветными иллюстрациями и пояснениями, – говорит Бахман, – а что касается творчества нашей студии, то мы считаем себя продолжателями так называемой Дунайской школы.

– Что это за Дунайская школа? – интересуюсь я. Мне действительно любопытно, ведь моя мама была художницей.

Бахман снисходительно смотрит на меня, попыхивая трубкой.

– Дунайская школа живописи и графики – особое течение немецкого Возрождения. Она появилась в первой половине шестнадцатого века. Самыми яркими представителями Дунайской школы являются Дюрер, Кранах Старший, Альтдорфер, Грюневальд, Хубер и кое-кто ещё.

«И кое-кто ещё! Уж не себя ли имеет в виду этот напыщенный сухарь?»

– Чем же эта школа характерна? – поддерживает интеллигентную беседу Лиля.

– О, моя дорогая, это сказочный мир, в котором вымысел переплетается с реальностью, библейские легенды объединяются с точными зарисовками природы, причудливость переплетается с простотой.

– Боже, как интересно! – восклицает Лиля. – Я с нетерпением жду этой выставки!

– Скоро сами всё увидите, – обещает Бахман, выпуская густые струи дыма, кажется, даже из ушей.

Эрих принимается составлять с Бахманом план мероприятий на завтра, но я их не слушаю. Я устал и хочу домой. Выбрав подходящий момент, встаю, благодарю Лилю за чудесный ужин. Прощаюсь: «Чюсс! – Чюсс!»

Откланявшись, выхожу в холодный коридор. В нём царит мрак. Лишь через бойницы падает рассеянный лунный свет. Путь в свою башню занимает несколько минут. Карабкаюсь по лестнице в комнату. Неожиданно меня охватывает рабочее настроение. Включаю настольную лампу и сажусь к ноутбуку. Сочинять бессмертный литературный шедевр.

Когда я работаю, то совершенно забываю о времени. Так и на этот раз. Пишу, забыв обо всём на свете, пока, наконец, печальный звон колокола не отрывает меня от ноутбука. Я смотрю на часы. Ого! Полночь. Жуткое время, когда вся нечисть выходит на охоту за грешниками. Я в нечисть не верю. Чтобы добавить себе работоспособности, постановляю выпить допинг, но оказывается мой термос не бездонный. Кофе в нём больше нет. Теперь придётся идти в столовую. Отругав себя за неорганизованность, спускаюсь по лестнице в коридор и, стараясь не шуметь, почти на ощупь пробираюсь во мрак. Все обитатели Замка спят. В Германии принято рано ложиться и чуть свет вставать. Меня окружает гробовая тишина. Лишь время от времени в какой-то щели тоскливо завывает ветер. Сырость и сквозняки – постоянная проблема Средневековья.

Вот я уже у двери столовой. Лиля её никогда не закрывает. Поднимаю ногу, чтобы пересечь порог и замираю на месте. Не знаю, что это было – просто я вдруг совершенно точно почувствовал, что в коридоре кто-то есть. А может быть, это сработало шестое чувство? Так или иначе, но теперь я стою в нелепой позе с поднятой ногой, судорожно сжимаю вспотевшими руками термос и изо всех сил вглядываюсь и вслушиваюсь во тьму коридора. Боюсь пошевелиться. Сам не знаю почему. Выждав бесконечную минуту, я набираюсь безумной храбрости и нарушаю гробовую тишину:

– Кто здесь?

Должен признаться, что мой голос слегка дрожит. Впрочем ответа я не получаю. Мрачный Замок по-прежнему нем. Стонет только ветер. Видимо моё шестое чувство решило пошутить. Тогда несколько раз глубоко вздохнув, я успокаиваюсь и, наконец, опускаю уставшую ногу. Во второй раз собираюсь войти в столовую, но опять замираю на том же самом месте. Шестому чувству нужно доверять! Чёрное пятно на полу в конце коридора у поворота в следующее крыло внезапно двигается с места и бесшумно исчезает за углом. В одно мгновение меня пронзает ужасная догадка: это не просто пятно, а чья-то тень! Всё это время кто-то прятался за углом в нескольких метрах от меня. Партизанен или ещё хуже? Собрав свою железную волю в кулак, я не ору от страха и не шевелюсь. Голову переполняют кровожадные образы призраков, вампиров, Бабы-яги... В этой проклятой темноте не видно, где кончается реальность и начинается фантазия. Честно скажу, что у меня не возникает желания броситься следом за тенью и узнать, кто это был или что это было. Я же вам не Ван Хельсинг.

Даже не знаю, сколько бы я торчал на пороге столовой, как задумавшаяся сороконожка, если бы не пустой термос. Он выскальзывает у меня из ослабевших пальцев и с оглушительным грохотом катится по каменному полу.

Глава 3

– Ну и устроили вы ночью переполох, мой друг, – укоризненно говорит мне Эрих, наливая вина, которого не купить в магазинах.

Семь часов утра. Сыро и прохладно. Мы завтракаем.

– Простите меня, ради бога, – корчу я виноватое лицо. – Проклятый термос разбудил весь Замок. Я сам не ожидал от него такого эффекта. Он выглядел вполне безобидно.

– Этот адский грохот мёртвого бы поднял, – замечает Лиля. – Я крепко спала и вдруг ба-бах!

– А потом ещё и бах-бах-бах-бах! – весело подхватывает Понтип. Она опять сидит с ногами на стуле. Её сандалики валяются под столом. Видно этим тайцам всё равно – что бамбуковая хижина, что памятник крепостной архитектуры.

Лишь Бахман молчит. Продолжатель славных традиций Дунайской школы занят яичницей с беконом. Алинки с нами нет. Ребёнок еще спит.

Ночью мой термос натворил дел. В одну минуту к столовой сбежались все обитатели Замка. Насколько я помню, первым примчался Эрих с фонарём в руках. За ним из мрака одновременно возникли взлохмаченные Понтип и Лиля. Обе – в наспах наброшенных домашних халатах. Очень миленьких, между прочим. Я уже во всю оправдывался и извинялся, когда к столовой величаво подошёл Бахман с незажженной трубкой в зубах. Оглядев собравшихся, он сердито спросил меня:

– Какого чёрта вам понадобилось ночью в столовой, герр писатель?

– У меня кончился кофе, – кротко объяснил я.

Бахман с сомнением посмотрел мне в лицо, но встретил только открытый честный взгляд. Может быть, чуточку слишком честный. Я не стал сообщать о загадочном пятне на полу, исчезнувшем за углом. Да и было ли оно? Утром я начал в этом сомневаться. Возможно, что воображение просто сыграло со мной злую шутку, и я принял движение лунного света в темном коридоре за чью-то тень. Ну, в самом деле! Кому придёт в голову шляться ночью по пустынному Замку? Эриху? Лиле? Их гостям? И зачем? Я-то кофе захотел, а они чего? И ещё мне не дает покоя вопрос: почему внезапно поднятый с постели Эрих появился в коридоре одетым в тот же костюм, в котором он был на ужине? Управляющий даже спит в костюме?

После завтрака все расходятся по своим делам. Лилия с Эрихом отправляются в офис у ворот – встречать первую экскурсию. Бахман и Понтип идут с ними. Я же возвращаюсь в свою башню. Через полчаса я должен быть в АРГ у фрау Адамс. Едва успеваю поднять себя по лестнице в комнату, как звонит Федя.

– Халло!

– Халло! Выходи. Я у ворот.

– О'кей!

Опять спускаюсь в коридор, потом ещё ниже до первого этажа, прохожу вдоль всего крыла к офису. Там Эрих озабоченно обсуждает что-то с Бахманом и Понтипом. Лилии нет. Видимо она уже водит посетителей по территории. Машу на прощание рукой художникам и через ворота покидаю Замок. На улице зябко. Возле ворот стоит белый мерседес-внедорожник. Это Федин. Карабкаюсь на сиденье возле водителя. Федя сердечно жмёт мне руку, затем рывком трогает с места тяжелую машину. Он не умеет ездить плавно. Совсем как одна моя знакомая. Знакомую зовут Лана. Женщина-кошка. Погибель для мужчин. Полгода назад у меня с ней случился краткий роман. Сейчас Лана в Лондоне – учится в школе биржевых брокеров. Из Лондона она позвонила мне только один раз.

«Халло, мой Повелитель! Как дела? Всё так же талантлив до неприличия? Что пишешь?»

«Зачем звонишь?» – с пересохшим от волнения горлом спрашиваю я. Вот дурак!

Лана мгновенно меняется. Совсем как раньше. Она обиженно ворчит своим низким голосом: «Ну, ты и хрюня! Может же девушка соскучиться?»

«Извини. Просто ты меня смутила».

Лана довольно хихикает. Вот ведь вредина!

«Ах, смутила?! Скромник! А ты не забыл, смущительно-смущалочный мурмужчина, как вдохновлял меня на сложноконструктивные ласковости?»

Я вздыхаю. Да, ласковостей с ней хватало. Сложноконструктивных.

Заметив моё рассеянное состояние, Федя озабоченно спрашивает:

– Что вздыхаешь, Вадим? С тобой всё в порядке?

Я с усилием отвлекаюсь от прошлого.

– Всё в норме. Готовлюсь к встрече с фрау Адамс.

Возле АРГ автомобильная парковка запрещена и часто ходят так называемые «вай-нахтсманы» – служащие муниципалитета прозванные народом дедами морозами. Вайнахтсманы призваны городской администрацией штрафовать наглых водителей. Федя знает про эту беду, поэтому скоренько высаживает меня возле стеклянного здания АРГ, а сам едет дальше в поисках легальной стоянки.

Вхожу. Лифт мягко поднимает меня на третий этаж. Покидаю прозрачную коробку и, не обращая внимания на разношёрстную очередь к стойке дежурной, достигаю кабинета фрау Адамс. Возле знакомой двери сидит толстая тётка-турок в чёрном платке по самые брови. Рядом с ней вертится во все стороны круглоголовый мальчишка-турок лет семи. Непоседливый сорванец поминутно вскакивает с места, беспокойно озирается, что-то бубнит, потом опять с размаху плюхается на, обтянутую кожзаменителем, лавочку. Тётка не обращает никакого внимания на выкрутасы своего отпрыска. Я здороваюсь с согражданами:

– Халло!

Тётка что-то буркает себе под нос. Я не понимаю. Может, она по-турецки? Бросив на меня исподлобья быстрый взгляд, проказник тоже теряет ко мне интерес и опять скачет как кенгуру. Ну и аллах с ними!

Дверь кабинета распаивается и в коридор выглядывает очкастая фрау Адамс.

– Сервус, герр Росс. Прошу вас.

В Нашем Городке, приходя в государственное учреждение, барабанить в двери не принято. Чиновники сами приглашают войти. Такое правило. Наполовину уничтоженный злобным взглядом тётки-турка, захожу в кабинет, сажаю себя к столу фрау Адамс. Она приветливо улыбается, не отрывая очков от экрана монитора. Пальцы так и прыгают по клавиатуре. Именно очкастая фрау Адамс занимается выплатой пособий. Чахнет над златом.

– Как ваше здоровье, герр Росс? – наконец, спрашивает меня фрау Адамс. Разумеется, она в курсе всех моих умираний и воскрешений.

– Не так хорошо, как бы мне хотелось, – бормочу я. Чтобы фрау Адамс были видны масштабы катастрофы, протягиваю перед собой дрожащие руки. Она сочувственно цокает языком.

– Мне очень жаль, герр Росс, но вы же понимаете, что моя задача заключается в том, чтобы вытолкнуть вас на работу.

Фрау Адамс виновато смотрит на меня, оторвав очки от монитора. Я согласно киваю, однако у меня припрятан козырь.

– Должен вас предупредить, что я, по совету моего домашнего врача, фрау Половинкин, подал заявление на признание меня ограниченно трудоспособным.

Фрау Адамс облегченно переводит дух.

– Это совсем другое дело, герр Росс! Как только получите решение – копию сразу пришлите мне.

– О'кей! Я могу идти?

– Да, конечно. Чау!

– Чау!

Прозрачный лифт возвращает меня туда, где и подобрал – в вестибюль АРГ. Выхожу на улицу, сажусь на деревянную скамейку у входа. Подставляю лицо прохладному ветерку. В воздухе вкусно пахнет сдобой. Значит, где-то недалеко отсюда есть кондитерская. Вокруг цветут тюльпаны и магнолии. По камням мостовой весело прыгают чёрные дрозды. Мимо меня бесконечной вереницей несутся блестящие авто. Весна. Хорошо!

На другом конце скамейки дед в полосатых шортах громко болтает по телефону на странном шипящем языке. Невольно начинаю гадать: турок, югослав, поляк? Кого только здесь нет! Кто не знает: сейчас в Нашем Городке живут люди из ста тридцати восьми стран мира. Понаехали.

Всё! Я догадался. Дед болтает по-португальски. Успокаиваюсь и звоню Феде, чтобы забрал меня. Он обещает подъехать через минуту. Кстати, о шортах в марте. Я уже давно не удивляюсь тому, что местные жители щеголяют в летних футболках и шортах, едва температура поднимается чуть выше нуля. Зимой неоднократно видел мамаш с детскими колясками, в которых спали их чада в летних сандаликах на голых ножках. Конечно, зима в Байроне не похожа на уральскую морозяку. Здесь сопли не замерзают на лету, но тем не менее. Я бы не стал разгуливать по городу в одной рубашке с короткими рукавами при трёх градусах тепла. А здесь некоторые разгуливают.

– Ну, что? Закончил с «геморроем»? – спрашивает Федя, когда я устраиваюсь рядом с ним.

Киваю.

– Сегодня фрау Адамс была лаконична.

– Пособие-то она продолжит платить или отправит тебя на каучуковые плантации?

Снова киваю.

– Мой скромный золотой парашют остается при мне.

– Это самое главное.

Федя доставляет меня обратно к Замку. Он спешит – ему скоро на работу. Я жму Феде руку, даю честное слово, приехать в воскресенье на день рождения Ванесски, передаю привет Дженнифер и – «Чюсс! – Чюсс!» – отчаливаю.

В Замке бушует сутолока и бестолочь. Каменная громадина наполнена внутренней борьбой и противоречиями. Какие-то люди носят завернутые в серую упаковочную бумагу картины, шумят, ссорятся. Возле офиса стоит Бахман с дымящейся трубкой в руках и озабоченно жуёт нижнюю губу. Всё понятно – началось нашествие художников.

Чтобы не мешать творческому беспорядку, я пробираюсь в свою комнату, ложусь на кровать и умираю от переутомления. К жизни меня возвращает звонок Марины. Смотрю на часы. Ого! Незаметно подкралось время ленча. Беру свой мобильник. Марина сходу даёт мне указания: во-первых, съездить к фрау Половинкин и сдать кровь на анализ. Между прочим, я это и так делаю регулярно. Раз в месяц фрау Половинкин с удовольствием выкачивает из меня красную жидкость. Правда, анализы показывают, что пока результаты так себе.

– Попроси Федю, чтобы отвез тебя к врачу, – требует Марина. – Нет, лучше я сама позвоню брату. Ты же, как маленький. Совсем меня не слушаешься!

Я обиженно надуваю губы. «Вот еще командирка нашлась на мою седую голову!»

– Во-вторых, не забудь съездить на «фенишки», – продолжает руководить мной жена. Кто не знает: «фенишки» – это социальный центр Нашего Городка. Что-то типа бесплатного универмага для малоимущих. Я – малоимущий малоизвестный писатель, поэтому имею

право три раза в неделю отовариваться там продуктами и одеждой. Кто и почему назвал социальный центр «фенишками», я не знаю. На мой вопрос об этом Марина ответила просто: «Все так говорят, и я говорю». Что ж – «фенишки» так «фенишки».

– Сам не съешь – Саша поможет. Ладно, всё. Целую! – выдаёт на прощание Марина и отключается. Ей пора идти на ленч. Впрочем, мне тоже. Завтрак Геракла зовёт.

На этот раз в сумрачной столовой малоллюдно. Только Лиля кормит голенькую Алинку йогуртом. Эрих, видимо, занят размещением художественной студии. Я здороваюсь с обеими дамами, ставлю на стол термос-предатель, устраиваю себя на стуле и приступаю к пресному овечьему сыру.

– Хотите, я наберу вам в термос кофе? – предлагает Лиля.

– Да, пожалуйста, если вам не трудно.

Лиля оставляет дочь одну и, схватив термос, исчезает в кухне. Алинка улыбается мне, показывая милые редкие зубики. Потом она принимается размахивать ложкой, как саблей. Брызги йогурта летят во все стороны.

– Алинка! Не балуйся! – строго говорит девочке Лиля, возвращаясь в столовую с потяжелевшим термосом. – Вот сделаю тебе а-та-та!

В ответ Алинка звонко смеется. У нее всегда хорошее настроение.

Лиля тоже улыбается.

– С завтрашнего дня начну водить Алинку в детский сад. Ничего с ней не успеваю! Сейчас весна – начало туристического сезона. Посетителей с каждым днём всё больше, да ещё эта выставка. Голова кругом идёт!

Я знаю, что детский сад недалеко. От соседней автобусной остановки к нему ведут большие следы босых ног, нарисованные яркой белой краской на тротуаре. Словно прошёл снежный человек. Следуя этим знакам, даже самые маленькие детки не заблудятся. Мне нравится такая забота о карапузах.

Забрав термос с кофе, я отправляюсь к себе. В коридоре звучат резкие голоса, стук молотков, гул и грохот, но в моей комнате тихо. Включаю обогреватель, сажусь к ноутбуку, проверяю электронную почту. Пока ничего нового. Жаль. Рассеянно барабаню пальцами по столу. На моём тайном языке это означает: «А не выпить ли мне таблетку?»

Что же, сказано – сделано. Опрометчиво запиваю лекарство горячим кофе. Фу, гадство! Обжёгся и едва не захлебнулся. Вот, не зря я не верю в силу таблеток!

Строго-настрого велю себе больше не отвлекаться, а целиком сосредоточиться на романе. До обеда можно и поработать. Один германский литературный критик как-то сказал, что есть два вида писателей: свиньи без таланта и свиньи с талантом. Я пока не определился, поэтому старательно пишу.

Лиля, поднявшись к открытому дверному люку в полу, зовёт меня обедать. Спускаюсь. В столовой опять никого нет.

– А где Эрих, Бахманы? – спрашиваю Лилю, хлопчущую у стола.

– Они занимаются делами, но вечером в столовой соберётся вся студия. Я хочу на ужин приготовить голубцы. Вы любите голубцы, Вадим?

Голубцы я люблю. Правда, идея ужина в обществе сумасшедших невольников мольберта мне не очень нравится. Слушать их пустой трёп про кисти и краски? Но действительность опять не предоставляет мне выбора. Однако, как же часто оказывается, что у нас нет выбора! С этой неутешительной мыслью занимаю своё место и осторожно пробую борщ. Он не горячий, но, обжёгшись на молоке – дуешь на воду. Эриха нет, поэтому некому угощать меня замковым вином. Рядом Лиля торопливо опустошает свою тарелку – её ждут туристы. Алинки не видно и не слышно да я про неё и не спрашиваю.

Расправившись с борщом, ковыляю в свою башню. В комнате подхожу к окну, забранному ажурной решёткой, и любуюсь живописной панорамой: плавный изгиб серой реки,

оба берега которой покрыты изумрудными купами деревьев, чёрная чёрточка моста вдалеке, тёмно-зеленые горбы холмов, окружающие Наш Городок. Пожалуй, жаль, что я не художник.

Глядя на открывающийся с башни вольный простор, я вдруг чувствую, как мною овладевает тоска-печаль. Острое чувство одиночества пронзает насквозь. Работать над романом я больше не могу и не хочу. Разворачиваю стул к окну, сажаю себя, откинувшись на спинку, кладу ноги на широкий подоконник. Бездумно глазею на бледное прохладное небо с экономным на тепло германским солнцем, тихо бормоча себе под нос: «Чому я не сокил, чому не летаю? Чому мени Боже ти крилець не дав? Я б землю покинув и в небо злитав!» Дальше слова песни я не помню, поэтому повторяю снова и снова прицепившиеся строчки. Вот такая блажь.

Мне плохо. После инсульта я чувствую себя никчемным, ни на что не способным калеккой. «Не обращай внимания, чудик – это просто хандра», – уговариваю себя. Начать, что ли, собирать винные этикетки? Мне не нужна вечная игла для примуса. Я не собираюсь жить вечно, но пока меня не обнял Кондратий, должен держаться. Держаться даже когда скрипят зубы, сами собой льются слезы и останавливается сердце. Держаться! Например, стать великим писателем. С лавровым венком на башке. А что еще остается? У вас есть другое предложение?

Наверное, я уснул. Хотя мне казалось, что только на секунду прикрыл глаза – просто моргнул, но когда их открыл и посмотрел на часы – был уже вечер. Небо за окном потемнело, солнце спряталось. Комнату наполняет таинственный сумрак, в котором легко можно нафантазировать себе всё, что угодно. Например, загадочную тень на полу. Но мне не хочется фантазировать. Мне хочется кофе.

Я, кряхтя, встаю с неудобного стула и потягиваюсь несколько раз, чтобы восстановить кровообращение в затёкшем теле. Потом включаю свет, наливаю кофе, с вызовом смотрю на ноутбук.

«Не вешать нос, гардемарины!»

Сделав несколько глотков ароматного допинга, я чувствую, что жизнь налаживается. Хандра на время отступает и затаивается в недоступных для меня уголках сознания. Вот, пусть там и прячется, стерва! А я, пока ещё не поздно, потолкую с Агафоном. У него-то уже ночь.

Включаю ноутбук, звоню брату. Он тут как тут. Человек из моего прошлого.

– Привет, баварец!

– Привет, уралец! Как ты? Как паппа мио?

Агафон страдальчески закатывает глаза.

– Можешь не спрашивать. Ты же знаешь, что папа у нас «грузин». Грузит и грузит...

– Крепись, брат, – серьезно говорю я. – Это не надолго.

А про себя вздыхаю. «К сожалению не надолго».

Агафон кривится.

– Тебе-то легко говорить, а у меня каждый день дома игра в «старики-разбойники». Папа то газ забудет выключить, то воду, то полсотни гостей запредельного возраста приведёт. И неизвестно, что хуже. Нормальных вариантов он мне вообще не предлагает.

– Ищи во всём хорошую сторону, – советую я. – Оптимисты утверждают, что можно даже в аду найти плюсы.

– Это какие же плюсы в аду? – интересуется Агафон.

– Ну, там всегда тепло и компания хорошая.

Смеёмся. Своими ежедневными звонками я даю Агафону возможность выпустить пар. Кому ещё кроме меня он пожалуется на свою житуху с бестолковым папкой? Внезапно наш семейный тет-а-тет прерывает Эрих. Управляющий высовывает голову из двери в полу и произносит извиняющимся тоном:

– Вы будете с нами ужинать, мой друг? Все уже собрались в столовой. Не хватает только вас.

Отказаться от Лилиных голубцов было бы верхом безумия! Торопливо прощаюсь с Агафоном, выключаю ноутбук, надеваю пиджак (какая это всё-таки морока – выглядеть прилично!), спускаюсь следом за Эрихом в тёмный коридор и кое-как спешу на ужин. Ибо общеизвестно, что голод – не тётка. Голод – дядька.

Глава 4

Под низкими сводами мрачной столовой действительно полно людей. Проголодавшиеся живописцы сидят вдоль километрового стола и ведут творческие разговоры. Когда я появляюсь в дверях, они направляют свои взоры на меня. Выдавливая из себя ритуальное «халло!». В Нашем Городке постоянно здороваются все со всеми. Даже на автобусных остановках и в самих автобусах. Такое правило. Получаю в ответ разноголосые приветствия: «халло!», «хай!», «сервус!», «грюсс готт!» и даже русское «привет!». Ага, значит, русаки здесь тоже присутствуют.

Закрепляю себя на свободном месте между тучной африканкой в рыжем парике и зелёном сверкающем золотыми блёстками балахоне до пят и бойким немолодым мужчиной. Это он поздоровался со мной по-русски.

– Эдик Трепнау! – тут же протягивает мне руку мужчина. Я вяло пожимаю.

– Вадим.

– Я Ида, – сообщает мне африканка, тоже обмениваясь со мной рукопожатием. Я с трудом её понимаю, но она уверена, что говорит по-немецки.

– Ида Баклажан, – хихикает Эдик. И заметив мой удивлённый взгляд, поясняет: – Так мы её называем между собой – Баклажан!

Ида действительно похожа на крупный баклажан с женскими формами: невысокая, с гладкой фиолетовой кожей. Женщина с экватора. Я оглядываю полутёмное помещение. В начале стола важно надувает щёки Бахман с неизменной трубкой в зубах. Возле костлявого маэстро из-под столешницы выглядывает миниатюрная Понтип, а с другого бока задумчиво подпирает ладонью голову высокая симпатичная девушка: прямой аккуратный носик, дерзко очерченный рот с яркими крупными губами, прекрасные синие глаза, прямые брови. Правда, на мой вкус у неё плечи чуточку широковаты. Видимо, для того, чтобы не прятать от восхищенных взоров лебединую шею, русые волосы красавицы заплетены на затылке в сложный узел.

– Это Мари Бахман, дочь доктора от первого брака, – тут же информирует Эдик, перехватив мой взгляд.

Лиля неумоимо летает с посудой из столовой в кухню и обратно. Под ногами у неё на цыпочках крутится голенькая Алинка. Длинный стол уставлен множеством блюд с голубцами, салатами, соусами. Там и сям между тарелками высятся винные бутылки и горящие свечи. Эрих на правах хозяина занимает место во главе пиршества. Он легко стучит чайной ложечкой по бокалу, привлекая к себе внимание. Разговоры умолкают и все головы поворачиваются в его сторону. Лиля с Алиной на руках тоже присаживается к столу.

– Приветствую всех участников художественной выставки, и давайте поскорее ужинать! – гостеприимно улыбаясь, произносит управляющий. Публика откликается на его незамысловатое вступительное слово жидкими аплодисментами. Приступаем к еде.

Напротив меня сидит какой-то сутулый тип средних лет с лицом брюзги и заметной плешью. Тип одет в тёмно-синий костюм из дорогой ткани. Под большим кадыком аккуратно повязан галстук-бабочка. На носу модные очки в тонкой оправе. Плешистый брезгливо ковыряется вилкой в салате. Рядом с ним клюет голубец маленькая остроносая женщина с серой кожей и чем-то вроде мокрой мочалки в качестве причёски. Наверняка заядлая курильщица.

Вопросительно смотрю на Эдика. Тот понимает меня с полувзгляда и наклоняется к моему уху.

– Это Кельвин. Кельвин Рихтер – налоговый консультант из Соседнего Городка. Вы же знаете, что в Байроне практикует масса всевозможных консультантов: налоговых, юридических, финансовых, страховых... Кельвин один из них. Сразу предупреждаю: Кельвин

не любит африканцев, азиатов, индейцев, полицейских, пожарных, почтальонов, жокеев, врачей и других консультантов. Возможно, я кого-то упустил. Кстати, если интересно – он из этих самых – любителей стучать не в ту дверь. Ну, вы меня поняли? Из заднеприводного меньшинства.

– А его соседка?

Эдик небрежно замечает:

– Селина? Просто мать-одиночка из Польши. Вечно рассказывает про своего сына. Видите ли, её Мирко – мальчик-индиго, альтернативно одарён, а по-моему, по-простому – обыкновенный дурачок. Впрочем, яблочко от вишенки недалеко падает.

Эдик корчит глупое лицо. Мне постепенно становится интересно. Я же писатель, ёшкин кот! Где ещё мне брать персонажи для своих романов как не из окружающей среды? Перевожу глаза на пару мужчин сидящих напротив друг друга в начале стола. Возле красавицы Мари громко разглагольствует какой-то юный дуралей, бурно размахивая руками. Молодой парень с чёрными пластмассовыми катушками в ушах, тремя серебряными бусинками в уголке рта, длинными волосами покрашенными в разные цвета – оранжевый и фиолетовый. Сразу заметно, что творческая натура. Птицу видно по полёту, а доброго молодца по соплям. Впрочем, надо признать, что если не обращать внимания на вызывающее оперение, парень вполне симпатичный.

– Кто это сияет возле дочери Бахмана? – задаю я вопрос своему говорящему справочнику.

– Это же наш Харди! – отвечает мне Эдик таким тоном, словно все на свете должны знать Харди.

– А чем Харди ещё знаменит, кроме имени?

Эдик хихикает.

– О, Харди у нас талант! Настоящее дарование. Говорят, что он получил приглашение работать в Нью-Йорке. Когда-нибудь Харди прославит Наш Городок.

Визави талантливого Харди выглядит его полным антиподом. Бледный худосочный юноша в постоянно сползающих по длинному угреватому носу очках с толстыми линзами.

– А кто тот молодой человек, загоревший в лунном свете? – не очень тактично спрашиваю я Эдика.

– Цедрик Никс. Вечный неудачник на социальном пособии. Хотя не без способностей.

Надо же. Я не ошибся. Поворачиваю голову в другую сторону. За моей экзотической соседкой Идой жадно поглощает голубцы лысый толстяк средиземноморского облика. За ним виден коренастый азиат неопределенного возраста. Как и положено азиату, он невозмутим. Напротив этой парочки расположился ещё один южанин и утомленная солярием, стриженная под мальчика, крашеная блонди лет тридцати, чьи бицепсы, шея и плечи покрыты цветными тату. Красная майка не скрывает её мускулистые руки. Я уверен, что где-то уже видел эту загорелую мужеподобную блондинку. Наш Городок ведь небольшой. В конце стола Лиля сюсюкает с очаровательно улыбающейся Алинкой. Вот собственно и все участники ужина.

– А как зовут... – начинаю я вопрос, но Эрих опять звенит ложечкой по бокалу. Все умолкают. Я тоже.

– Предлагаю поднять бокалы за успех вашей выставки, дамы и господа! – с энтузиазмом восклицает управляющий.

Всеобщее оживление. Если ты настоящий художник, за такой тост не выпить нельзя. Присутствующие торопливо разливают замковое вино по бокалам. Мне, плешивому Кельвину и Селине любезно наливает Эдик. Я поздравляю себя с тем, что уселся далеко от Эриха. С такого расстояния лекция про винографолию после четвёртого бокала мне не грозит.

– Ну, поехали! – говорит Эдик по-русски, чокается с теми до кого может дотянуться и одним мощным глотком осушает бокал.

– Прозт! – остальные маленькими глоточками смакуют редкое вино. Я тоже не спешу побыстрее нажраться. Неторопливо ублажаю свой организм виноградным нектаром. Один Бахман скучает с кока-колой.

– Однако какой изысканный букет! Такого сказочного вина нет даже в винной конторе Гадельмана, – уважительно произносит Эдик, разглядывая этикетку на бутылке. Похоже, что он знаток алкогольных напитков.

После первого бокала довольно прохладная атмосфера застолья становится теплее. Даже недружелюбный Кельвин слегка оживает и саркастично скрипит, сверля нас с Эдиком светло-голубыми глазками:

– А вот мне кажется, что идти в Замок со своими картинами, всё равно, что в крематорий со своими дровами. Здесь и так есть замечательная картинная галерея, не так ли?

Я пожимаю плечами. Эдик не слушает плешивого консультанта. Он протягивает мне вновь наполненный бокал.

– Как говорят у нас на стройке: «Между первой и второй наливай ещё одну!» Кельвин, Селина! Присоединяйтесь.

Кельвин отрицательно качает головой. Селина отвечает Эдику фальшивой улыбкой, но свой бокал подставляет. А по мне так лучше на лицах фальшивые улыбки, чем искренняя ненависть. Баклажан со своей стороны тоже не прочь выпить. Эдик наливает и ей.

«Поехали! – Прозт!»

Вкушаем.

Селина с проснувшейся симпатией смотрит на меня заблестевшими глазами.

– Вы не поляк, Вадим? В вашем немецком слышен польский акцент.

– Нет, я из России.

– О, настоящий русский! – громко удивляется Баклажан. Она с недоумением разглядывает меня. Видимо русского она представляет себе таким бородатым мужиком, в кумачовой рубаше, в каку пьяного, с балалайкой в волосатых лапищах и ручным медведем на плече.

– А чем вы занимаетесь? – спрашивает Селина. Вино развязало ей язык.

– Пишу детективы, – неохотно признаюсь я. Не люблю говорить о своей работе.

– Как интересно! – хлопает в ладоши Баклажан и невзначай прижимается ко мне плечом. Даже через пиджак чувствую, какое оно горячее.

– Значит, вы писатель детективов? – продолжает пытаться меня Селина. – А что вы делаете в замке?

– Это страшный секрет, Селина, но тебе я скажу. В замке Вадим собирает материал для нового детектива, – Эдик заговорщицки подмигивает любопытной польке. Он уже снова налил нам вина. Ужинающие разбились на группы и болтают между собой. В столовой стоит ровный гул, как в пчелином улье.

– Вы здесь ничего не найдете, – бурчит плешивый консультант. – В этом замке нет пищи для автора криминальных историй и никаких преступных деяний произойти не может, не так ли?

– Ну и слава богу, – замечает Селина.

– Давайте лучше выпьем, – предлагает Эдик.

Пьём.

«Поехали! – Прозт!»

Кельвин синхронно нашим глоткам дёргает кадыком, с завистью смотря, как мы осушаем бокалы, но для него хороший понт дороже денег. Отказался так отказался. Не так ли?

Лысый толстяк расправился с целой горой голубцов на своей тарелке и с маслянистой улыбкой придвигается ближе к соседке – Баклажан. Африканка демонстративно ото-

двигается от толстяка и снова прижимается к моему плечу. От Иды разит потом попеременно с духами, зато она призывно мне улыбается фиолетовым ртом.

– Кто этот боров? – интересуюсь я у Эдика, тщетно стараясь найти для себя свободное местечко. Но не зря говорят, что Европа тесная.

– Албанец из Косово. Живёт в общежитии для беженцев, в азиюльхайме. Мы зовём его Кокос. Мне он не нравится – скользкий какой-то, как гололёд.

– Этот Кокос тоже художник? – с сомнением спрашиваю я.

– Как вам сказать. И да, и нет. За год он накокосил несколько балканских пейзажей. Сами видите, от вдохновения даже волосы выпали. Значит, художник. Вообще-то мы тут все любители.

– И Бахман?

Эдик слегка обижается за своего учителя.

– Ну что вы! Доктор Бахман настоящий художник. Мастер. Некоторые его работы выставлены в галереях Берлина, Мюнхена, Кельна.

– А его дочь?

– Мари? Она, конечно, не ровня Кокосу, Баклажану или мне, но больших успехов пока не достигла. Ей некогда заниматься рисованием. Она сохнет по Харди, а дурачок Никс сохнет по Мари.

– Откуда такая осведомлённость?

Эдик хихикает.

– Старушка-нашепташка нашептала.

Пока Эдик сплетничает, толстый Кокос начинает что-то бубнить Баклажану на ухо. Африканка кривит толстые губы.

– А кто те люди? – киваю я на азиата, южанина и крашеную блонди. Кстати, блондинку я узнал. Она сидит на кассе в самом большом продуктовом магазине Нашего Городка, в «Кауфланде». Между прочим, там в фирменном платьице блонди казалась моложе.

Эдик уже под хорошим градусом, но наливает ещё по одному бокалу. На этот раз к нам присоединяются и Кельвин с Кокосом. Нашего полку прибыло.

«Поехали! – Прозт!»

Промокнув бумажной салфеткой губы, Эдик продолжает:

– Кореец – это Круглый Ын. Он работает на шроте и всегда молчит.

Кто не знает: шрот – это что-то вроде городской свалки. У меня там есть знакомый – бывший югославский полковник Бажу. Впрочем, это уже совсем другая история.

– Круглый Ын рисует только какие-то значки, – вставляет Баклажан, отмахиваясь от надоедливости Кокоса.

– Это не значки, а китайские иероглифы, – поправляет Селина. – Он пишет их на рисовой бумаге. Получается очень красиво. Мой Мирко тоже рисует похожие каракули.

Федя сердито смотрит на женщин. Вечно эти трещотки влезают в мужской разговор! Затем заканчивает свой обзор:

– Напротив Круглого Ына сидит итальянец Стефано Почемутто. Правда, прикольная фамилия? Все называют его на немецкий манер Штефаном. Он живёт в Байроне уже лет двадцать, работает поваром в пиццерии.

– Я видел эту блондинку в «Кауфланде» – говорю я, принимая от Эдика очередной бокал с вином. Уже не помню, который по счёту.

– Точно. Урсула там работает. Её один раз увидишь – никогда не забудешь. Видите, какая она крутая?

Эдик понижает голос:

– Я слышал от одного знакомого, что Урсулу в детстве изнасиловал какой-то педофил, поэтому она не любит мужчин. Только больше никому об этом.

Я понимающе прикладываю палец к губам. Могила!

– Вообще-то Урсула нормальная баба, – заплетающимся языком признаётся Эдик. – Только немного нервная. Любой стал бы нервным после изнасилования педофилом. Как-то Урсула поссорилась в автобусе с контролёрами. Слово за слово и те вызвали полицию. Ну, сами знаете, как это у нас бывает. Приехали два полицейя, стали на остановке выводить Урсулу из автобуса, но вывели её из себя. Она же нервная. Взяла и набросилась на полицейяев. Полицейяи закрылись от неё в машине, видят дело плохо – вызвали подкрепление. Приехал целый автофургон полицейяев в касках и бронежилетах. Тут фортуна Урсуле изменила. Полицейяи всей толпой отдубасили дубинками нашу Урсулу – думали, что мужик. Потом посмотрели её удостоверение личности, а имя-то Урсула!

Эдик хихикает. Я тоже. Мы оба сильно пьяные. Глядя на нас, начинает хихикать и Баклажан, хоть и не понимает ни слова по-русски. Селина и Кокос тоже подхватывают наше веселье. Даже плешивый Кельвин и тот непроизвольно дернул одной стороной брюзгливого рта.

– Сейчас спою! – решительно объявляет Эдик.

– Давай лучше выпьем, – выдвигаю я альтернативу.

– Давай выпьем, друг! – соглашается Эдик. – Сейчас добьем пузырь и ляжем спать.

Теперь вино разливаю я. Мой новый друг не в форме и может пролить драгоценную влагу мимо бокалов. К нам с Эдиком опять присоединяются остальные участники нашей тёплой компании: Кельвин, Селина, Баклажан и Кокос. Никого не забыл? Хотя мне прости-тельно – я же после инсульта.

«Поехали! – Прозт!»

Выпив, Эдик решает отдохнуть, кладёт отяжелевшую от голубцов голову на руки и тут же начинает похрапывать. Сексуально озабоченный Кокос снова нашептывает сальности Баклажан, утопив свои глаза в глубоком вырезе её балахона. Там есть на что посмотреть. Селина курит. Так я и знал! Кельвин тупо уставился на пустой бокал. Наверное, придумывает, как выгнать всех женщин на женскую половину страны. Оглядываю остальное застолье. Видно плохо. Камин и догорающие свечи дают мало света. Тьма стирает очертания предметов. Всё же разглядел, что Понтип скинула сандали, села на стул по-восточному и стала немного повыше. Эрих горячо о чем-то спорит с сосущим трубку Бахманом, приводя доводы из винографолии. Мари, накручивая на палец локон, внимательно слушает разговор Харди и Никса. Я тоже прислушиваюсь.

Никс:

– Сейчас в нашей студии тринадцать человек. Прямо Иисус Христос и двенадцать апостолов на тайной вечери. Но чёртова дюжина плохое число. Боюсь, что скоро нас останется двенадцать.

Харди:

– А кто же среди нас Иуда?

Никс:

– Можешь без труда и сам догадаться.

Харди:

– На что ты намекаешь, Цедрик?

Никс:

– Сам знаешь.

Харди:

– Ты про Мари, что ли?

Никс:

– Не прикидывайся идиотом!

Харди:

– Не брызгай на меня слюной, Цедрик!

Наверное, в этот момент Никс хочет грязно выругаться, но не умеет. В полемическом задоре молодые люди постепенно повышают голоса. Явно назревает ссора. Соседи начинают обращать на них внимание. Замолкает и недоуменно оглядывается Эрих. Бахман строгим взглядом старается остановить нарушителей спокойствия, но они ничего не замечают. Мари не вмешивается. Видимо, она придерживается мнения, что мужики сами разберутся. Наконец, вышедший из себя Никс хватается со стола стакан и с яростным воплем: «На, получай!» плещет минералкой в лицо Харди. Мокрый красавчик вскакивает со стула, намереваясь оторвать очкастому наглецу уши и повесить себе на шею, но отомстить за унижение ему не позволяет Эрих. Он как клещами сжимает Харди в своих объятиях. Пока жертва худосочного Никса тщетно бьётся в тисках управляющего, Мари, симпатично зарумянившись, выговаривает очкарику, грозя пальчиком у него перед длинным носом. Странно, но мне кажется, что она довольна. На губах Мари мелькает улыбка, в голосе не слышно злости. В конце концов, взбешённый Харди покидает столовую, громко хлопнув дверью вместо «чюсс!».

– Я прошу у всех присутствующих прощения за этот неприятный инцидент, – говорит Бахман, поднявшись с места. – Харди, конечно, мерзавец, но он очень талантлив.

Харди? Интересно, почему Харди? Ссору же затеял Никс.

– Пустяки, Никлас. Я в молодости тоже был огонь, – добродушно отвечает управляющий, отдуваясь.

Лиля многозначительно улыбается мужу. Ясно, что Эрих и сейчас ещё если не пылает, то хотя бы искрит.

Между прочим, пока я отвлекся на поединок, шаловливая ручка Баклажана нашла мое колено и принялась его поглаживать. Отступить мне некуда – позади спит Эдик. «Иде больше не наливать!» – принимаю я жестокое, но справедливое решение. А что ещё делать? Расслабиться и постараться получить удовольствие?

Водевиль окончен, в Нашем Городке уже ночь, в столовой совсем темно. Во тьме мелькают красные точки сигарет. Народ наелся, напился – курит. Лиля уносит давно уснувшую Алинку и приносит ещё несколько свечей. Становится чуть светлее. Вообще-то пора и честь знать. Я чувствую, что сильно устал, но темпераментная Баклажан вцепилась в моё колено и просто так не отпустит. Хорошо одному Эдику – сейчас выспится; потом сможет хоть всю ночь куролесить.

– Расскажите нам что-нибудь интересное о Замке. Какую-нибудь древнюю легенду, связанную с этим местом, – просит управляющего Селина. Выпитое вино и ночной сумрак настроили её на романтический лад.

Эрих морщит лоб.

– Что же вам рассказать? Впрочем, может быть, легенду о Полоумной Марии?

– Кто такая Полоумная Мария? – задает вопрос Селина.

– И что значит «полоумная»? – спрашивает Кокос.

Эрих оглядывает притихших гостей.

– Это, действительно, очень старое предание. Уже несколько столетий рассказывают историю про привидение сумасшедшей старухи, так называемой Полоумной Марии. О ней даже есть запись в средневековой летописи Нашего Городка, которая хранится в замковой библиотеке. В записи говорится о Марии – дочери одного придворного. Она была так прекрасна, что в неё влюбился королевский сын. Король разгневался на принца и сослал Марию в наш Замок. Долгие годы она стояла в башне и с тоской смотрела на Майн. Всё ждала своего возлюбленного. Но он быстро забыл о ней. В конце жизни Мария сошла с ума и повесилась. С тех пор её призрак бродит тёмными ночами по Замку и ищет своего неверного принца. Тот, кто встретит привидение, должен его поцеловать, а иначе умрёт на месте. Вот такая история про Полоумную Марию.

– Какая страшная сказка, – зябко ёжится Селина. Я вижу, что с лица Понтип легенда о Полоумной Марии стёрла постоянную улыбку. Рассказ Эриха произвёл впечатление и на Баклажана. Африканка даже оставляет моё колено в покое.

– А известно, в каком помещении Замка жила эта Полоумная Мария? – спрашивает Бахман.

Эрих отвечает с заметной неохотой:

– Полоумная Мария состарилась в той самой комнате, где на время выставки разместились Мари. Там даже сохранился крюк, на котором повесилась эта несчастная.

– Какой ужас! – закрывает себе рот обеими руками Селина. – Я ни за что бы не стала жить в таком жутком месте.

– Эрих, зачем ты всех пугаешь? – недовольно вмешивается Лиля. – Не верьте ему, девочки. Он любит страху нагнать.

– Послушай, Мари. Если ты боишься, я могу поменяться с тобой комнатами, – предлагает Урсула.

Мари звонко смеётся.

– Спасибо, дорогая Урсула, но я не верю в привидения. Там мне вполне удобно. И как знать? Может быть, мы с Полоумной Марией найдём общий язык? Вдруг я сама ведьма и по ночам катаюсь на завитке поросёчьего хвостика? Правда, папа?

Бахман молчит, пыхтя трубкой как локомотив. Позже я много раз вспоминал эти слова красавицы, но той ночью не обратил на них внимания.

После затянувшегося ужина долго измеряю наношагами дорогу в свою башню. Наконец, забираюсь по лестнице в комнату, роняю себя в кровать и всё: заблудился во сне.

Глава 5

Протяжный звон колокола заставляет меня открыть один глаз. Кажется правый. Умная мысль, видимо, догонявшая меня ещё со вчерашнего вечера и утром, наконец-то, догнавшая, дятлом долбится в сонной голове: «Нельзя себя так запускать».

Открываю второй глаз, смотрю на часы. Шесть. Боже, какая рань! В комнате холодно и сыро. Впрочем, в марте среди груды камней это нормально. К тому же вчера мне было не до обогревателя. Переворачиваюсь на другой бок, но сна уже нет. Дятел в голове вспугнул. Значит, пора заканчивать с тюленингом и вставать.

Поднимаю себя с постели, одеваюсь, чувствуя недомогание – я же ещё не ел, слезаю вниз в коридор, иду в санузел. Делаю там всё, что положено делать по утрам, принимаю душ и, уже бодро напевая себе под нос «фа-фа, ля-ля», плетусь на завтрак.

Несмотря на раннее утро в столовой царит деловой настрой. Лиля бежит с посудой, Алинка, одетая в короткие штанишки и кофточку, прыгает на цыпочках у мамки на дороге. Эрих и Бахман пьют кофе, намечая план сегодняшних действий. Остальные участники выставки мирно завтракают. Нет только Мари, Харди и Никса.

«Халло! – Халло! Хай! Сервус! Грюсс готт! Привет!»

Завидев меня, Баклажан в том же рыжем парике и зелёном балахоне машет рукой, приглашая на свободное место рядом с собой. Другой рукой она отталкивает Кокоса, жмущегося к ней с другой стороны. Делаю вид, что не замечаю пылкую африканку и сажусь рядом с помятым Эдиком. На этот раз напротив меня устроилась Урсула в оранжевой майке. Она едва заметно кивает мне и возвращается к яичнице с ветчиной. Ну и ладно.

– Пока тебя не было, Эрих предложил нам помирить Харди и Никса, – сообщает мне Эдик. – Я тоже думаю, что пацанам надо помочь.

– А что на это сказал ваш корифей?

– Наш уважаемый доктор Бахман лишь кивнул.

В столовую Мари вводит за руки надутых Харди и Никса. Оба молодых человека стараются не смотреть друг на друга. Улыбающаяся Мари подводит их к Бахману. В это утро девушка чудо как хороша. Хотя на ней обычные бледно-голубые джинсы и свободный бордовый свитер до колен, но настоящую красоту ничем не испортишь. Её русые волосы заплетены в одну толстую косу.

Бахман встаёт со стула, расправляет кости, вынимает трубку изо рта и нудным, как шотландская волынка, голосом произносит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.